

Даже если уедут все, Вивальди останется с нами

— А меня убеждали, что создать струнный оркестр сегодня — на грани возможного.

— Вас не обманывали. Поди, собери людей во времена исхода. Талантливейшие уехали. Остался обыкновенный ряд плюс единицы великих. Я сравниваю с временами Нейгауза, Ойстраха, Кнушевицкого. Шел банальный зачет в консерватории, но тебя слушали гении, играть просто так было бы дикостью.

— Но в какой стране на душу населения приходилось столько чудесных скрипачей, пианистов! Традиции этих двух школ настолько прочны, настолько исконно наши...

— Что их трудно разрушить? К сожалению, человеческая психика столь хрупка, что поддается разрушению быстрее, чем можно было бы предположить. Представьте, если с благодатной земли лет пять подряд снимать плодороднейшие слои. Никакие силы не бесконечны. Новое поколение ничем не подпитывается. Эстафета оборвалась. За исполнителями потянулись профессора. А сейчас грустная новинка — уезжают студенты. Самые лучшие.

— Уж хотя бы учиться можно было бы и здесь.

— А у кого? Если вам сегодня могут преподавать, некоторым образом почитывая газету. И начинается: этого преподавателя нет, того нет, даже вон тот в отъезде.

— Вы говорите так, будто уехал каждый второй.

— Примерно. Вы упоминали о количестве хороших музыкантов на душу населения. А в Германии уровень национальной культуры определяют количеством камерных ансамблей. Произшел исход — и в оркестр Большого театра берут почти без конкурса. Еще совсем недавно попасть туда считалось невероятным. А какой конкурс был в Госоркестр, в филармонию, да в оркестр любого драматического театра!

— Но вы-то в свой оркестр проводите отбор?

— Разумеется. Почти все — консерваторские.

— Ваш женский струнный приятно не только слушать. Даже посмотреть на молодые лица радостно.

— Да, многим нет и 20, учатся на втором, третьем курсе.

— Видите, вам же удалось удержать своих!

— Вызает эпохи, которые длятся веками, десятилетиями. А за пять-шесть лет новой нашей, только наступившей эры в молодых сформировалось иное сознание. У теперешних девочек другое мышление. Уровень новой культуры уже успел сложиться. Теперешние мало чего хотят из возвышенного. Зарплата интересует как-то больше прочего. Апатия. Хочется одеться хорошо, поездить. Но вот работать не слишком тянет. Тем более пусты в других оркестрах, какие-то там условия. Вот и я, может, не та оптимистка, что два года назад.

— По-моему, зря. У вас и в эпоху исхода дела идут по

Навсегда отъехавший из Москвы скрипач Дмитрий Ситковецкий в других краях убеждал: «Дома, pardon, у вас — уже и оркестра не склотить. Особенно струнного. На Западе до сих пор спрос на ваших-наших скрипачей».

Женский камерный «Вивальди-оркестр» вдруг зазвучал не только в залах для избранной публики в Москве. О нем говорят как о явлении, что и стало поводом для встречи с его художественным руководителем, заслуженной артисткой России Светланой БЕЗРОДНОЙ.

ИСТИНА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

восходящей. Государственный российский камерный женский струнный «Вивальди-оркестр» — звучит возвышенно. Но почему все-таки Вивальди?

— Совсем не потому, что аббат Вивальди в нашем народе был популярен и любим. В венецианском монастыре девушки-монахини с удовольствием исполняли его сочинения. Эмоциональный заряд композитора таков, что он позволяет человеку, попавшему в нашу переходную эпоху, почувствовать: возможность выхода есть. Почему бы в момент не самый веселый не окунуться в музыку жизнерадостную, сочную, в какой-то степени юмористическую. Он же писал такие стишки, после которых инквизиция отлучала его от мессы. Но когда начинали преследовать учеников, Вивальди мчался на помощь и всегда добивался их освобождения. И потому я создала творческое объединение «Дом Вивальди», стала и его художественным руководителем — это как бы продолжение нашего оркестра.

Усадьба братьев Васильчиковых на улице Герцена находилась, как и все в Москве, в диком состоянии. Но уже к маю нам обещают закончить ремонт. Во флигельках — помещения для репетиций, в центре — зал для концертов, простор для выставок...

— Светлана, я снова о бременном. Ведь ремонт, реконструкция обойдутся в центнеры бесценных наших купюр. Легко догадываюсь, что у самого оркестра их пока не густо.

— Дом — это творческое объединение. Среди учредителей газета «Культура», Государственная коллекция уникальных музыкальных инструментов с ее Страдивари. Затем музей имени Пушкина на Волхонке, где мы часто играем. Итальянский институт культуры, который обосновался в Москве во главе со своим директором Витторио Страда. Помогает «Мосбарткомбанк».

— Сколько раз я слышал: концерт, искусство, а потом дирижер или первая скрипка превозносит фирму, наклейками которой и без того залеплен старинный зал...

— Даже если б все и было

в идеальнейшем состоянии, чего никогда не случалось и не случится, сфера нашего приложения — высочайшее искусство — себя бы не оккупало. Давайте это осознаем и перестанем терзаться бессмысленными угрызениями. На стадионы, в спортзалы и то заманить труднее и труднее. Но есть же в жизни вечное: Чайковский, Бах, Вивальди. Человек попадает в консерваторию, не подозревая о существовании какого-то Моцарта. Но если на сцене мастера, новичку начинает казаться, что он понимает, приобщается к священному действию. Будем открытвенны: это не так. С первого, десятого раза понять нельзя. Очиститься, начать приобщаться — реально. И потому поднять цену на билет в консерваторию, что заняться вдалбливанием живого существа в землю. Значит, выход единственный — с достойной благодарностью принимать содействие меценатов.

— И все-таки высокое искусство, по-моему, остается вещью в себе. Может, и не к чему тащить его в «широкие массы», легко надорваться...

— Надо не тащить, а терпеливо объяснять. Мы сейчас едем на гастроли по России. Смоленск, Архангельск, Нижний Новгород, Кострома, Коломна, Клин, Вологда... Это турне оркестра подготовлено уже нашим творческим объединением «Дом Вивальди». От слова «благотворительность» хочется повеситься, настолько часто оно теперь употребляется. Мы за благотворительность не абстрактную. Помогаем маленькой девочке из Кременчуга. Ей для операции нужно тысяч пять долларов. Таких денег у меня, понятно, сегодня нет. Но помочь с лекарствами, отправить к лучшим нашим врачам — это мы делаем. Дадим один концерт в ее пользу.

— Светлана, а за границу вы что, не ездите?

— Предложений много. На этот и следующий год двухмесячные контракты на гастроли по Америке. Хорошо принимали нас в Италии, ЮАР, Финляндии, на Тайване... Я еще лет 15 назад стала выезжать в летние месяцы во французский город Тур на «мастер-классы», и учеников у меня уже немало.

— И вас не звали насовсем?

— Я преподавала в Туре и всегда переживала: ну почему бы им не приехать ко мне? Откроем «Дом Вивальди», и пусть приезжают. Приглашаем чудесных наших преподавателей, не только музыкантов, но и балетмейстеров. Я уже договорилась с Володей Васильевым...

— Но ведь они сейчас с Максимовой танцуют и ставят в Париже.

— Васильев обещал найти пару недель. И Юрий Башмет тоже. «Мастер-классы» в Москве будут ничуть не хуже. Правда, хлопот у меня будет побольше, чем в Осло или Туре.

Беседу вел
Н. ДОЛГОПОЛОВ.